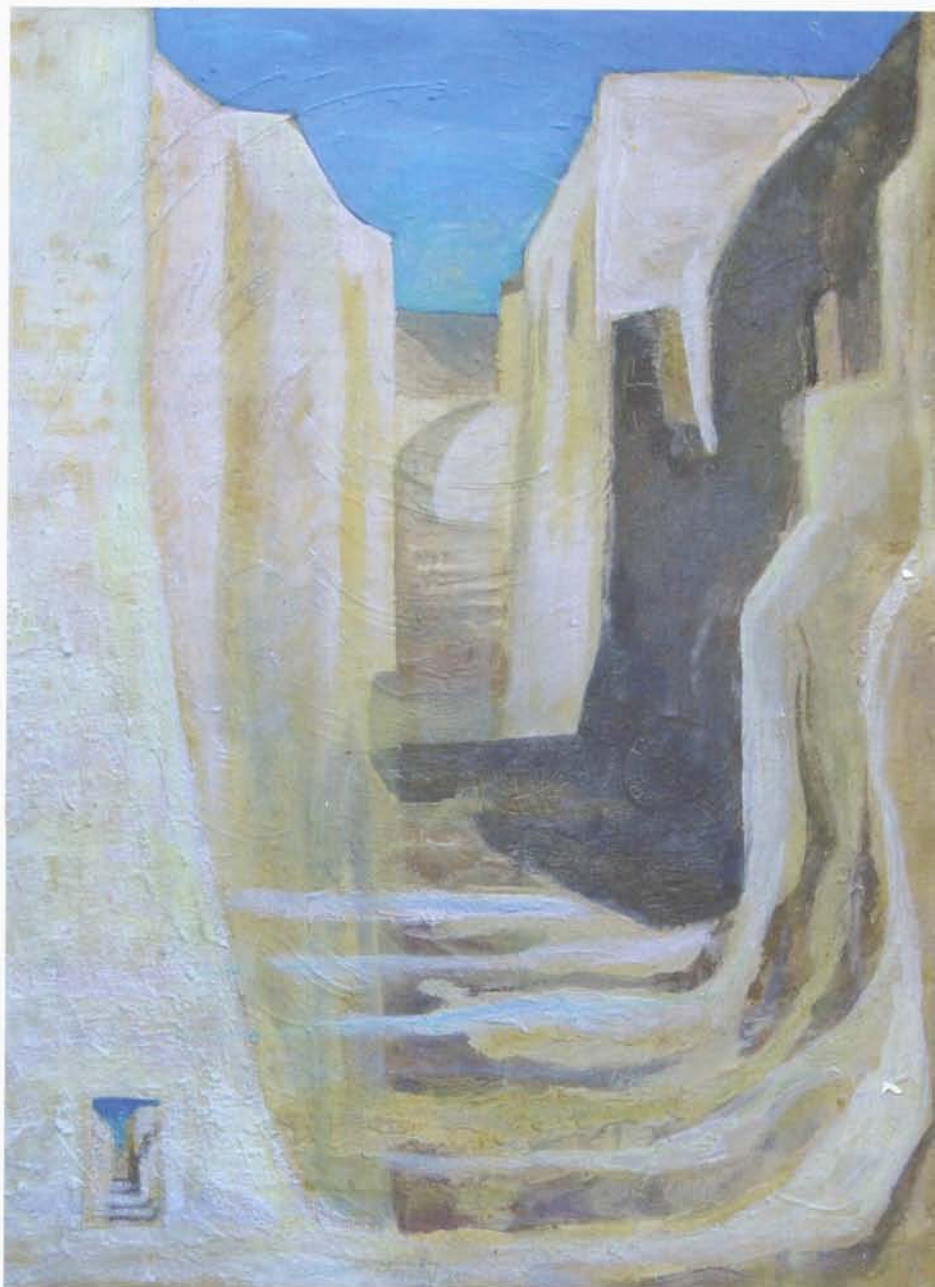

«Белый город»

Обыкновенная Волшебница

Елена Кутузова –

волшебница, которая умеет превращать обыденность в сказку. Это может сказать любой, кто хоть раз увидел ее работы. Картины Кутузовой индивидуальны, сразу узнаваемы даже неспециалистом. Фантастическое умение художницы дать зрителю в одной картине два взгляда на мир настолько завораживает, что многие, впервые столкнувшись с этим волшебством, еще долго вспоминают удивительное чередование ночи и дня. Мы знакомы с Леней без малого пятнадцать лет, и все это время она поражает меня безграничностью своих фантазий и абсолютным утонченным вкусом, который присутствует во всем, к чему бы Елена ни прикасалась: будь то картины, инсталляции, мебель или собственная одежда. Сказать по правде, я был сильно удивлен, когда узнал, что Кутузова когда-то была не художником, а программистом. Мне казалось, что талант у таких людей проявляется сразу, еще в детстве. Но оказывается, не все в жизни так просто, как кажется. Это и стало главной темой нашего разговора.

М.И.П. – Скажи, как долго ты рисуешь?

Елена Кутузова: – В детстве, как и большинство девочек, я любила рисовать: покупала в художественном салоне бумагу, уголь, акварель и что-то там ваяла. Потом мой муж увидел эти рисунки и повел меня к своему другу-художнику. Тот сказал: «Вау!», и мой муж, видя такую реакцию, попросил друга поучить меня. Но, как только я начала учебу, муж стал ревновать, и на этом мои первые «университеты» закончились (смеется).

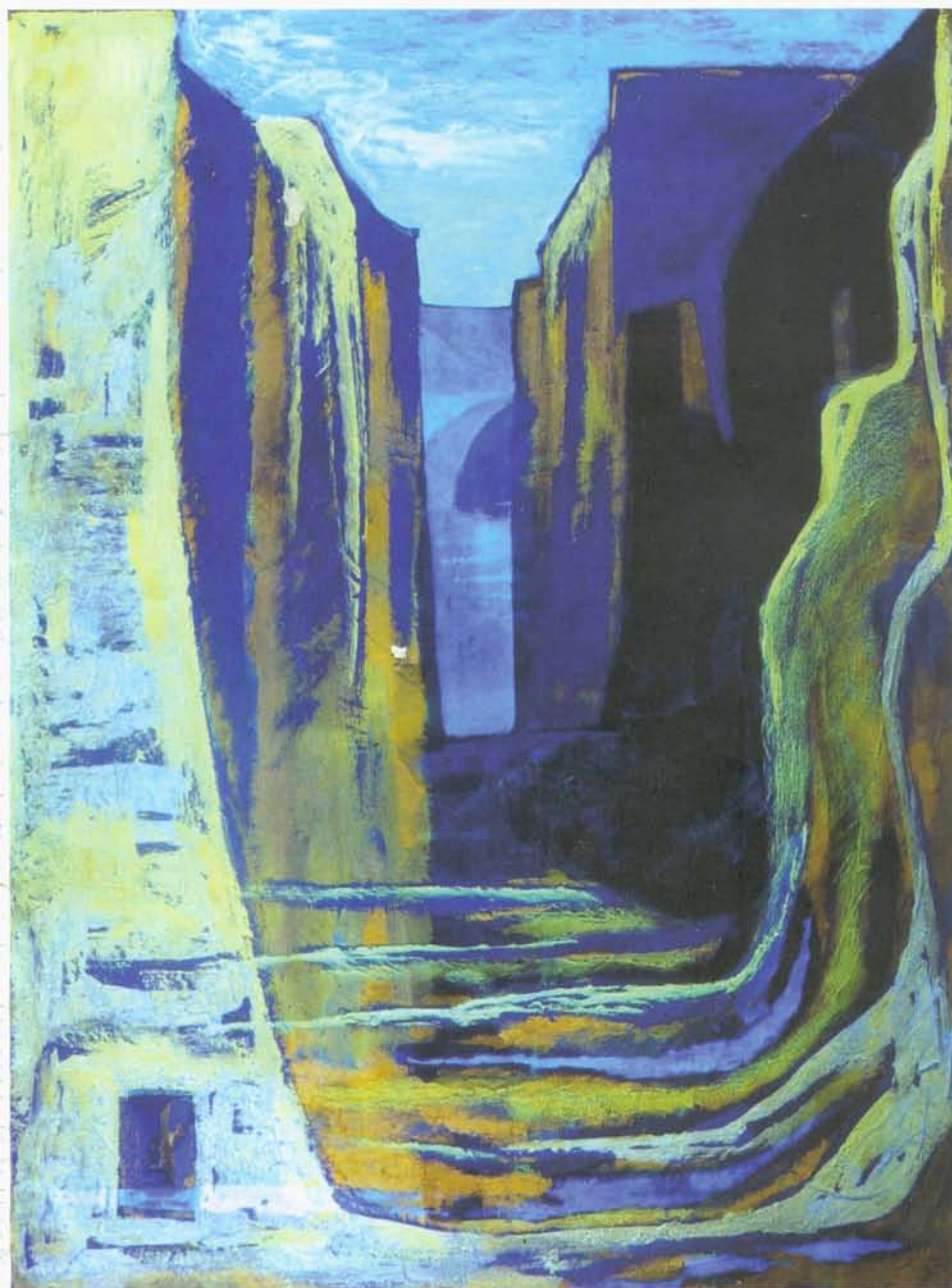
– С тех пор так и работаешь самоучкой?

– Нет, конечно, потом я три года ходила в студию к Ларисе Корневой и работала программистом. Только давай не будем говорить об этом, а то мне уже надоели статьи, в которых педалируют к этой теме – уже все смеются.

– Еще бы не смеяться... Ты вот компьютер не может нормально освоить...

– Да, я ненавижу компьютеры. Видимо, мне их надолго хватило на работе.

– Когда твои рисунки из ученических превратились в профессиональные?

– Начнем с того, что я сразу подошла к своему творчеству профессионально, и изначально была убеждена, что надо рисовать так, чтобы не быть похожим ни на кого. Мне необходимо было найти собственную траекторию движения, и я начала писать «белым по белому».

– **Вот так сразу?**

– Ну нет, конечно. На эти поиски ушло два, может, три года... Сначала были эксперименты с темперой и маслом, потом стала объекты всякие выстраивать... Чего только на холст не лепила – веревки, песок, ракушки, тряпки... А однажды мой знакомый собрался вступать в творческий союз, и позвал меня с собой за компанию. Я показала свои картинки... Художники сказали: «Вау!», и я тоже оказалась в союзе. А буквально через месяц прошла выставка в Манеже, на которой висело несколько моих огромных (полтора на два метра) холстов. Именно тогда у меня в голове пробежали какие-то мысли по поводу правильности выбора профессии.

– **Как долго ты работала с белым цветом?**

– Долго, очень долго. Его фактура помогала выстраивать настолько удачные и оригинальные композиции, что менять стиль мне не очень хотелось. После того, как у меня возникла идея съемки людей (их гримировали бе-

лым, выстраивали в композиции, фотографировали – получалось что-то неоклассическое), на базе этой выдумки образовалось целое содружество единомышленников: фотографов, стилистов, дизайнеров, музыкантов, моделей... Стало понятно, что такое неформальное объединение людей требует собственного названия – так вот и возникла наша «Мастерская белого цвета» – некая творческая лаборатория, под крышей которой можно было проводить все, что угодно: выставки, хэппенинги, концерты. В мастерской рождался некий синтез искусств, объединенный белым цветом. Под ее эгидой прошло множество художественных акций: «Белые люди», «Белое на белом», «33 черепахи»... За пять лет нам удалось реализовать шесть масштабных проектов, в которых были и живопись, и танцы, и музыка, и фото, и видео. К слову сказать, на тех же акциях читали свои стихи поэты из Ордена куртуазных маньеристов – в принципе, при желании туда можно было вставить все, что угодно, лишь бы подходило по стилю.

– **Но все когда-нибудь кончается... Твои последние работы совсем не похожи на те, из «белого» периода. Чем обусловлен такой резкий переход?**

– Все зависит от моего внутреннего психологического состояния. Если ты помнишь, лет десять назад у меня и мастерская вся была белой: пол, стены, мебель – все. Пачку сигарет с красным названием в такой обстановке можно было найти издалека. В тот момент белый цвет был для меня лекарством, я чувствовала себя прекрасно, мысли приходили благостные, но фактически я стала заложником белого и никуда не могла от него деться. Слава Богу, потом в моей жизни кое-что переменялось, и буквально года три назад из меня пошла цвета.

– **Сегодня в своих работах ты используешь особые краски, которые можно увидеть только при специальном освещении. Откуда это?**

– Совершенно случайно встретила волшебника, который сделал мне подарок. Он оказался на одной из наших акций, где я использовала фосфоризирующие краски – ему это понравилось, но он предложил мне попробовать особые составы, которые проявляются только при ПРК-излучении. Несколько лет я совершенствовала технику и достигла всего того, что мои зрители сейчас могут увидеть на выставках. Кстати говоря, техника очень уникальная, сложная, многослойная – одна работа пишется минимум месяца.

– **В этой своей новой технике ты работаешь большими сериями по пятнадцать-двадцать картин. Почему?**

– Понимаешь, я всегда очень глубоко погружаюсь в тему. К примеру, когда рождалась японская серия, я читала Басе, ходила

в театр на Танака, могла пойти, например, к пруду, заросшему кувшинками, сесть на бережке и писать... Японию. Люди, проходящие мимо, удивлялись – чего-то дамочка рисует совсем не то, что перед глазами!

Пока тема мне интересна, она идет. Я, кстати, от тех же «японцев» пыталась уйти и начать «египетскую» серию, но только все испортила! По-видимому не «отболела».

– Лен, тебя послушать – твоя творческая эволюция выглядит так легко и естественно: ты занимаешься любимым делом, которое у тебя отлично получается, твои работы очень высоко котируются и продаются. Так не бывает. Когда ты оглядываешься на свой путь, считаешь ли, что тебе повезло в жизни?

– Да, наверное, можно сказать, что мне везет, но я уверена, что жизнь устроена так: если ты поступаешь честно и постоянно работаешь, не ленясь, тогда к тебе и приходит принц на белом коне. Главное, надо быть готовым к его приходу. У меня все происходит именно так.

– В последние годы ты много занимаешься прикладным творчеством – оформляешь презентации, карнавалы, праздники...

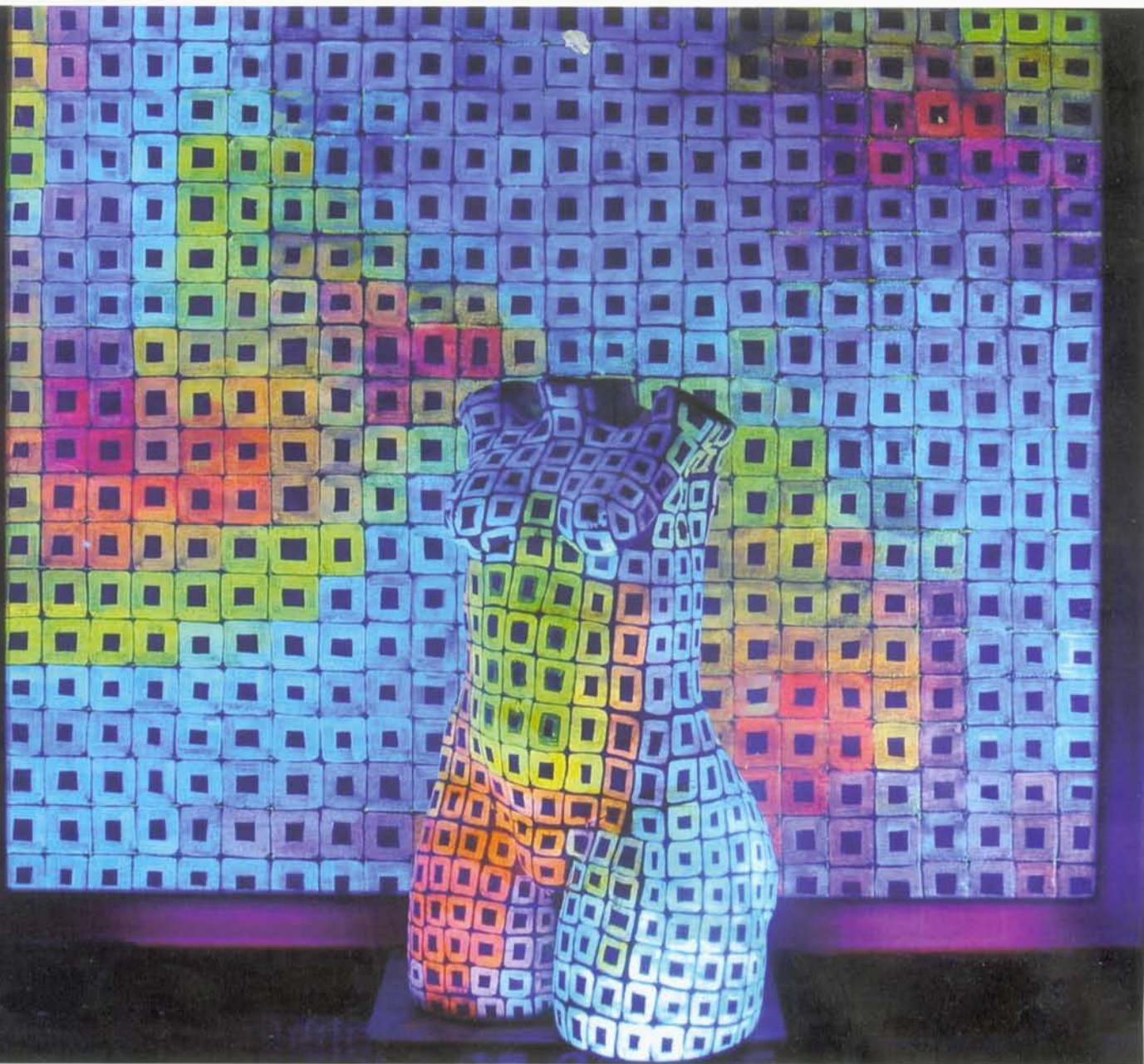
– В работе художником-постановщиком у меня большой опыт (это тянется еще со времен «Мастерской»). Люди видят, что я делаю это хорошо, и заказывают мне проекты.

– Дорогостоящие?

– Это зависит от бюджета компании и количества людей, участвующих в шоу. Скажем, в «Международной», где мы делали презентацию проекта «Джинс», все стоило очень дорого. В «Голден Палас», на дне рождения журнала «Хайер», было поскромнее, но не менее презентабельно.

– Не отвлекает ли эта работа от живописи?

– Когда несколько месяцев не выходишь из мастерской, работая над очередной серией, испытываешь непреодолимое желание отвлечься и переключиться на что-нибудь другое. В такие моменты хочется оказаться в

большом городе, поставить все на уши – а потом уползти назад, к своим любимым картинам.

– **В твоих перформансах очень важное место занимает танец. Расскажи о людях, которые тебе в этом помогают.**

– Каждый танец обязательно ставится для конкретной выставки или шоу. Этим занимаются ребята из театра известного режиссера Анатолия Васильева, профессионально владеющие пластической импровизацией. Каким быть танцу – целиком зависит от них самих, от того, как они чувствуют дух темы. Естественно, мы репетируем, кое-что обговариваем, но я обычно стараюсь не видеть прогонов. Мне всегда очень интересно смотреть их танцы в качестве обычного зрителя. Это зрелище настолько красиво и пластично, что дух захватывает.

– **Ребята танцуют в твоих костюмах и с особым гримом?**

– Да, это обязательно. Белые платья во время шоу становятся орнаментальными, грим тоже волшебным образом изменяется. За это меня и приглашают.

– **Ты занимаешься боди-артом?**

– В Сокольниках, на выставке «Интер Шарм», два года подряд я проводила авторское шоу боди-арта, демонстрируя огромные возможно-

сти светящихся красок. Эта техника замечательна. Применительно к театру, можно, например, менять историю повествования: измени свет, и образ актера моментально становится другим – из положительного персонажа легко сделать отрицательного. То же самое и с декорациями, а глобально – и с любимыми вещами.

– **Это твоё ноу-хау (светящиеся краски) не разрушает саму суть творческих работ? Не излишне ли декоративен этот прием? Перемена освещения, «мелькание» может отвлечь от того, что изображено на холсте...**

– Человек волен включать ПРК или не включать, но, зная о возможностях этой технологии, он готов к переменам. Вот висит картина, она тебе нравится – иначе бы она у тебя не висела. Приходит вечер,

«Кувшины»

у тебя сменяется настроение, поэтому ты хочешь изменить и картину. И ты это делаешь или не делаешь.

– **Покупатели твоих работ могут легко осуществить эту смену настроения-света?**

– Легко! Кстати говоря, опять же совершенно случайно появился очередной «принц на белом коне» и помог мне с оборудованием. Теперь к каждой моей картине прилагается пульт и устройство, которое крепится к подрамнику и при желании меняет освещение.

– **Ого! С такими штучками твои работы, наверное, прилично стоят?**

– Отстань!

– **Три? Пять? Не за тысячу же ты продаешь такую роскошь?**

– Бывает, что и за тысячу... У меня в полонниках есть совершенно сумасшедший коллекционер, которому я недавно сказала, что больше ничего продавать ему не стану, потому что поняла, что весь бюджет его семьи плавно переходит ко мне. По-моему, он просто заболел моими картинами: человек приезжает ко мне в мастерскую, видит новую работу (при этом он уже три купил), ахает... Я ему говорю: «Послушай, родной, пока я живу, у меня эти новые так и будут появляться. Остановись с покупками, лучше давай меняться». Он: «Как?» Я: «Дам тебе картину на время, она у тебя повисит. Увидишь у меня что-то новое, понравится: ту привезешь ко мне, а новую получишь». Ему эта идея понравилась – вот так мы с ним и общаемся уже год. И каждый раз человек испытывает какой-то болезненный драйв при виде моей новой работы.

– **Этот драйв можно заметить у любого, кто впервые видит твои картины. Я могу наблюдать реакцию моих гостей, которые, замечая твою работу, обычно затихают, а потом начинают бурно проявлять свои эмоции.**

Тебе не жалко разбивать серии, продавать из них по картине? Или ты после продажи восполняешь «потерю», переписывая картину заново? Или тебе заказывают понравившуюся работу?

– Мне заказывали работы из серии «Города»: Москву, Тамбов, европейские столицы, сейчас вот Самару заказали – очень красиво получилось.

– **Насколько близки к реальности те очертания города, которые проявляются на картине при включении ПКР?**

– Я достаточно долго работаю с такими заказами: изучаю архитектуру, делаю эскизы, собираю все в единую композицию. Но, конечно, у меня получается некий со-

бирательный образ города – это же не туристическая открытка. Мне нравятся такие заказы, нравится передавать не похожесть, а состояние, ауру определенного места.

Кстати говоря, хочу открыть тебе один секрет: я никогда не знаю финала – того, как будет окончательно выглядеть моя работа. Особенно – лица, ведь у каждого – свой характер. Эти характеры рождаются вне меня – совершенно удивительная история! Причем, знаешь, когда привозишь их с выставки, они приезжают с другими лицами. Недавно у меня была персональная выставка в одной московской галерее, и там висела картина с динозавром. У него был настолько несчастный вид, что аж погладить все время хотелось! Вернулся домой, повеселел, кажется, оклемался, видишь, уже улыбается. Серьезно! Это не только я заметила, но и все, кто в то время мог его увидеть. А все из-за чего? Атмосфера в той галерее была не очень хорошей – мало внимания картинам уделялось, гости хозяев галереи прямо среди экспозиции пьянствовали, устраивали танцы...

– **Сегодня у тебя проходят две-три персональных выставки в год, плюс три-четыре шоу, в которых ты задействована как художник-постановщик. Нет ли в планах чего-нибудь нового: скажем, рос-**

писи тканей или, быть может, какой-нибудь волшебной коллекции одежды?

– Нет, нет. Мне неоднократно предлагали оформлять показы мод или даже сделать что-то свое, но я поняла, что мода – это очень серьезно, и это автоматически требует много времени на подготовку. Получается, что я минимум на полгода должна бросить живопись и заниматься только этим. Я решила, что это – не для меня. Были предложения поехать с популярными певицами, помогая им на гастролях (шоу, грим и тому подобное), но я сразу же отказалась, хотя, например, с Ольгой Арефьевой у меня в этом был определенный удачный опыт. У меня другой стиль жизни, я не тусовщица. Когда я долго на людях – просто заболеваю. Мне гораздо приятнее писать, как цветут лилии, и наблюдать, как желтеют листья в парке напротив моего дома.

– У тебя дома и здесь, в мастерской, очень оригинальная мебель. Я знаю, что это – дело твоих рук...

– У меня был период, когда я не могла писать картины – муж зарабатывал большие деньги, и я не знала, как с этим жить. Я ощущала от такой жизни жуткий дискомфорт, и все это отражалось на моей живописи. Вот тогда я

и встала к столярному станку. Я давно хотела себе какую-нибудь уникальную мебель – такую, какой ни у кого бы не было. Сделала эскиз, потом чертежи. Столяр мне сначала помогал, а потом бросил – понял, что я сама справлюсь. И я сама все сделала и считаю, что поступила правильно. Кстати, после этой эпопеи с мебелью у меня и с живописью все наладилось. Вывод: главное в творчестве – избежать застоя, что-то делать, невзирая на внешние или внутренние обстоятельства. Особенно противопоказана творчеству жалость к себе, она все убивает.

– У тебя есть мечта о какой-нибудь вещи, которую ты хочешь, но не можешь себе позволить купить?

– Такие вещи я предпочитаю делать сама!

– Скажи, пожалуйста, а какие место в твоей судьбе занимают твои спутники жизни? У меня создалось впечатление, что просто громадное.

– Еще бы! Мужчина рядом – это очень важно. Это просто необходимо творчеству.

– А есть мнение, что творческого человека состояние печали провоцирует на какие-то высшие откровения...

– Нет, я не согласна! Все дело в любви, она – главный двигатель. Если у меня нет любви, то у меня руки опускаются, ничего не выходит. Людям нравятся работы с ярко выраженной положительной энергетикой. Если этой энергетике нет, человек проходит мимо картины, как мимо пустого места. Начало «японской» серии я писала в состоянии взлета – так вот, все картины, которые в тот период были сделаны, купили.

– Жалко, теперь их только в иллюстрациях можно будет увидеть.

– Ничего, пусть человек, их купивший, радуется. Ты же знаешь, у меня есть работы, которые я не продам ни за какие деньги. К примеру, «Белый город». Недавно вот картину с динозавриком один человек просил продать – я отказала, хотя он предлагал очень приличные деньги.

– Можно поинтересоваться твоими ближайшими планами?

– Планы обычные – работать! Мы востребованы только тогда, когда нам есть что показать. Я ненавижу такие разговоры творческих людей: «Что мы тут будем бисер перед свиньями метать, все равно это никому не нужно?!» Ты сделай сначала! А потом уже жизнь рассудит – надо это кому-нибудь или нет.

Беседовал
Константин Елгешин